

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

Константин
Симонов

История
одной любви

Библиотека драматургии Агентства ФТМ

Константин Симонов
История одной любви

«ФТМ»
1940-1951

Симонов К. М.

История одной любви / К. М. Симонов — «ФТМ»,
1940-1951 — (Библиотека драматургии Агентства ФТМ)

Очевидно, вслед за Чеховым и Бальзаком, Константин Симонов определил жанр своей первой пьесы как комедийный. Хотя в основе человеческой комедии «История одной любви» – классический любовный треугольник, но по накалу переживаемых героями событий (здесь и потеря парой ребенка, и уход мужа на войну) – настрой пьесы далек от лирического и представляет собой погружение в психологию супружеских отношений. Выдвигая ключевой проблемой взаимоотношений супругов ложную гордость одной из сторон, автор наглядно показывает, как глупо могут разрушиться крепкие, проверенные годами отношения двух любящих людей. В отличие от последующих многонаселенных пьес Симонова, состав действующих лиц «Истории одной любви» довольно камерный, но в нем уже появляется архетип мудрого наперсника, прием, к помощи которого автор обратится в своем творчестве неоднократно. И действительно, страшно подумать, как бы выпутались главные герои из царящей в их отношениях недосказанности, если бы не пронцательный отставной военный Голубь. Поскольку все остальные герои коммуницируют между собой крайне затрудненно, то именно споры Голубя с новоявленным ухажером жены главного героя-успешным карьеристом Вагановым составляют идейную суть пьесы. По мнению директора НИИ Ваганова, самое главное в жизни – заставить других ценить себя, качество, которого не достает главному герою – строителю Севера и Дальнего Востока Маркову. «Разные вещи мы с тобой будем вспоминать. Я – дороги и моря, вы – должности, да чины», – парирует Голубь. С подкупающей прямоотой вмешивается он в отношения любящих друг друга, но совершенно запутавшихся супругов и так и заявляет озадаченной насупленным молчанием Маркова его жене Кате: «Потому что любит тебя, дуру!» Под напором такого

деятельного участия, соперник-материалист просто не может не быть позорно повержен, а семейные отношения и любовь – водвориться на свое законное место.

© Симонов К. М., 1940-1951

© ФТМ, 1940-1951

Содержание

Действующие лица	6
Действие первое	7
Картина первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Константин Симонов
История одной любви
Комедия в трех действиях,
четырёх картинах

Действующие лица

Алексей Степанович Марков, 35 лет.

Катя – его жена, 29 лет.

Андрей Сергеевич Ваганов, 35 лет.

Николай Семенович Голубь, 60 лет.

Мария Петровна – соседка Марковых, очень далеко за сорок.

Посыльный из магазина.

Капитан.

Корреспондент.

Врач.

Время действия – 1939 год.

Действие первое

Картина первая

*Комната в московской коммунальной квартире. Летний день. Две двери, через одну из них видна вторая комната. Несколько полок с книгами. Шкаф. Письменный стол. Накрытая ковром тахта. Перед тахтой медвежья шкура. Два потертых кожаных кресла. **Марков**, в старой шерстяной рубашке, без галстука и в домашних туфлях, читает, сидя в одном из кресел. **Катя** стоит перед ним с плетеной кошелкой в руках.*

Катя. Так вот и просидишь до конца отпуска?

Марков молчит.

*Слышен звонок в передней. Катя выходит и возвращается вместе с **посыльным** из цветочного магазина. У посыльного в руках очень большая корзина цветов.*

Посыльный. Куда поставить-то?

Катя (показывая на обеденный стол). Сюда, пожалуйста.

Посыльный ставит корзину на стол.

Спасибо. Сейчас я за вами закрою. (Выходит вместе с ним и через несколько секунд возвращается. Подойдя к столу, достает вложенный в цветы конверт и, открыв его, читает вынутую из него записку.)

Марков (глядя на Катю). Ты, кажется, меня о чем-то хотела спросить?

Катя (не спеша, складывая записку). Да. Я хотела тебя спросить – неужели ты так вот и просидишь до конца отпуска?

Марков. Не знаю, может быть...

Катя. Придет Андрей, я пойду купить что-нибудь к чаю.

Марков. Сходи.

Катя. Что ты на меня так посмотрел?

Марков. Ничего.

Катя. Да, придет Андрей. Что тут особенного?

Марков. Ничего особенного. Только бы он не присылал больше этих корзин. От них уже и так не продохнуть.

Катя. Я рада, когда мне приносят цветы, я давно от этого отвыкла.

Марков. Ну что ж, радуйся, но только нельзя ли ставить их там, у тебя?

Катя. Они тебе мешают?

Марков. Да.

Катя. Хорошо. (Выходит с корзиной в другую комнату.)

Звонит телефон.

Марков (снимая трубку). Я слушаю. Алло! (Молчание. Вешает трубку.)

Входит Катя.

Катя. Кто звонил?

Марков. Очевидно, Андрей. У него появилась дурная привычка вешать трубку, когда подхожу я.

Катя. Она появилась у него с тех пор, как у тебя появилась привычка грубо разговаривать с ним.

Марков. Говорю, как умею.

Катя. Ты плохо относишься к нему, гораздо хуже, чем он к тебе.

Марков. Ко мне?

Катя. Да, к тебе. (После паузы.) Почему ты молчишь?

Марков. Я думал, что хоть на это я имею право.

Катя. Нет! Теперь ты не имеешь права так молчать. Было время, когда тебе стоило сказать одно слово!..

Марков. Было? Значит, я его пропустил. Ведь теперь поздно сказать это слово?

Катя. Да, поздно.

Марков. Ну, вот я и молчу.

Катя. Ты раньше тоже часто молчал. Но я чувствовала, что ты обо мне думаешь, что ты меня любишь. А теперь... Мне все чаще кажется, что ты молчишь просто потому, что тебе нечего мне сказать.

Марков. Тебе видней.

Пауза.

Катя. С тех пор, как умер Сережа...

Марков (*резко перебивая ее*). А вот об этом мы с тобой, по-моему, условились не говорить.

Катя. Хорошо. Но скажи тогда сам, почему у нас с тобой все так плохо? Почему?

Молчание.

Да, последнее время я говорила, что мне плохо с тобой, я старалась меньше бывать дома, наконец, Андрей... Но почему ты ни разу не сказал, что я тебе нужна, что ты меня любишь, что тебе будет плохо без меня? Если бы ты сказал это...

Марков. Зачем ты оправдываешься?

Катя. Когда ты так говоришь, мне хочется только одного – уйти и хлопнуть дверью! Ты думаешь – твое вечное спокойствие принесло мне много счастья? Когда я в первый раз сказала тебе, что нам стало плохо, а сама в глубине души ждала, что ты накричишь на меня, рассердишься, скажешь – все это глупости, – что ты ответил? Ничего. Пожал плечами и ушел на работу! Когда я стала говорить тебе, что любовь проходит, – ты ответил: «Тебе видней!» Когда я сгоряча крикнула, что нам надо разойтись, ты сказал: «Как хочешь!» Да, может быть, сейчас я так хочу, но тогда... Почему ты ни разу не остановил меня, если я что-то напутала в жизни? Почему ты ни разу не захотел помочь мне разобраться, решить? Что вы, как можно, пусть решает сама, одна! А я не хочу решать сама!

Марков. Придется. Я за тебя решать не буду.

Катя. Ну конечно, так легче!

Марков. Там уж легче или не легче, – а не буду.

Катя. Эх ты! «Буду», «не буду» – словно палку о колено ломаешь. Встань, поцелуй мне руку. Я ухожу.

Марков не двигается.

Я тебя очень прошу, встань, поцелуй мне руку!

Марков по-прежнему не двигается. Катя, подождав еще секунду, поворачивается и выходит, хлопнув дверью. Марков встает и долго ходит по комнате. Звонок телефона.

Марков (*снимает трубку*). Да, Марков. В два тридцать? С вещами? Нет? Хорошо. Есть. (*Положив трубку, продолжает ходить по комнате.*)

В коридоре звонок. Слышно, как там кто-то открывает наружную дверь. В комнату входит Голубь, еще крепкий, даже очень крепкий для своих лет человек, одетый в полувоенный костюм и высокие охотничьи сапоги с ремешками. В руке у него большой рюкзак, под мышкой потертое, выдавшее виды кожаное пальто.

Голубь. Обед есть?

Марков. Нет.

Целуются.

Голубь. И коньяку нет?

Марков. Нет.

Голубь. Я вижу, за два года в этом доме ничего не изменилось. Скажи, пожалуйста, чему тебя с детства учил твой старый учитель?

Марков (*став навытяжку, с улыбкой*). Мой старый учитель учил меня с детства, что, когда он приходит, на столе должна стоять бутылка коньяку.

Голубь. И за...

Марков. ...куска!

Голубь. Я не вижу плодов своего воспитания. А впрочем, может, ты просто стал скуп? Тебе жаль бутылки коньяку для своего старого учителя? Может, когда я позвонил, ты бросился к этим полкам и спрятал сюда бутылку? (*Подходит к книжным полкам и, вынув несколько пыльных томов, достает из-за них бутылку коньяку. Долго смотрит на свет, удивленно нюхает.*) Коньяк!

Марков. Дай сюда, ничего не понимаю!

Голубь. Вот это уж стыдно. Ну, купил. Ну, поить меня жалко, ну, спрятал. Но зачем же кривить душой! (*С улыбкой.*) Э-эх, ты! Это я купил коньяк! Я, два года назад, уезжая зимовать и не надеясь на ваши заботы, заложил бутылку за сочинение господина Элизе Реклю «Человек и земля», которое, кстати сказать, все покупают и никто не читает.

Марков ставит на стол стаканы.

Ты прав, сынок. Это как раз та посуда. Это уже потом выдумали разные бокальчики, лафитнички, рюмочки. Что же до старика Ноя, я уверен, он пил из обыкновенного мосторговского чайного стакана. Итак, выпьем за нее?

Марков. За кого?

Голубь. За нее! За единственную, бесценную, за Катерину Алексеевну! Надеюсь, она для тебя по-прежнему *она*?

Марков. Да. Она скоро придет. Выпьем!

Пьют.

Голубь (*развязав рюкзак, вынимает из него вышитую детскую оленью доху, унты, малицу*). Ну-с, а где же Сергей Алексеевич?

Марков. Нет его.

Пауза.

Нет Сергея Алексеевича. Умер.

Голубь (*пораженно*). Как... Подожди, ничего я не понимаю.

Марков. А ты думаешь, я понимаю? В прошлом году, в это же время, пришел из детского сада, сказал, что болит голова. Смерили температуру, температура высокая. Пришел врач, сказал все, что полагается, и сделал все, что полагается. А температура все выше. Пришел второй врач – тоже сказал все, что знал, и сделал все, что мог. Потом пришел третий, сказал, что надо взять в больницу. А через неделю все трое вместе очень подробно объяснили мне и Кате, почему именно не смогли спасти нашего сына и какой у него был редкий, небывалый и так далее случай менингита. Кажется, все так оно и было. И они сделали все, что смогли, и случай был действительно редкий. Все так, но сын-то у нас был один – вот в чем дело. И должен был с этой осени идти в школу. Вот. Ну, что смотришь? Убери сейчас же все это! Катя увидит, опять будет плакать.

Голубь (*встав, мрачно засовывает вынутые вещи в рюкзак и туго завязывает его*). Сейчас же объясни мне...

Марков. Что объяснить? Ну что тебе еще объяснить?

Голубь. Нет, так не бывает. Так не может быть!

Долгое молчание.

Ты помнишь, как я его тогда брал на руки, а она сказала: «Дядя Коля, у вас медвежьи лапы, вы никогда не научитесь держать в них детей». Накаркала.

Долгое молчание.

Марков. Как ты зимовал?

Голубь. Как всегда. Первый год и думать о вас забыл, а к концу второго соскучился. Причалы построил, дома под крыши подвел, зеленый лук на подоконниках в ящиках вырастил. Все для новых зимовщиков приготовил, сел, положил ногу на ногу и заскучал.

Марков. Я тоже тут без тебя не веселился... Плохие у нас дела, дядя Коля.

Голубь. Уж чего хуже...

Марков. И с Катей – тоже плохо...

Голубь. А с ней что случилось?

Марков. Пока ничего. Как говорится, маленькое, не сразу заметное несчастье. Она разлюбила меня, ну а я, я тоже, значит, разлюбил ее, что же мне оставалось делать?

Голубь. Когда же началось это маленькое, не сразу заметное несчастье?

Марков. Если бы знать день, когда оно началось, так можно бы, пожалуй...

Пауза.

Незаметно это начинается, дядя Коля. Почему я молчаливый, почему я невнимательный, почему я не говорю, что она мне нужна, что я ее люблю? Она хочет, чтобы я каждый день напоминал ей об этом, а я не умею. Сказал раз на всю жизнь. И пусть помнит.

Голубь. Неумно.

Марков. Не знаю. Может быть. А тут – горе, да еще такое! Раньше, бывало, когда беда – словно какой-то силой толкало друг к другу, а здесь, как назло, – забились по углам. Она плакала. Много. А я – нет. Ее обижало, что я не плачу. Я чуть с ума не спятил. А она не понимала. Совсем перестала меня понимать. Может, без чужой помощи в конце концов и поняли бы друг друга, но тут как раз и помощь подоспела...

Пауза.

Ваганова Андрея помнишь, конечно?

Голубь. Того, что на год раньше тебя институт кончил и (*кивнув на Маркова*) у одного бедного студента невесту пробовал отбить? Как не помнить. Но он ведь, по-моему, оставшись ни при чем, сразу же, как уважающий себя человек, исчез с горизонта. Что, снова объявился?

Марков. Объявился.

Голубь. Давно?

Марков. Из Москвы, как выяснилось, никогда и не уезжал. (*Обведя рукой комнату.*) А здесь появился с год.

Голубь. Зачем пустил?

Марков. А как было не пустить? Пришел овечкой: «Кто старое помянет, тому глаз вон. Узнал о вашем горе. Друзья познаются в беде...» И так далее. Язык у него и раньше был хорошо подвешен... А за десять лет и многое другое приобрел. Ума и таланта не отнимешь: директор научно-исследовательского института новых строительных материалов – и звучит внушительно, и на самом деле промышленности уже кое-что полезное дал. В тридцать четыре года – доктор технических наук! Вдобавок – в гордом одиночестве.

Голубь. Не женат?

Марков. Нет. Не знаю уж, как там у него жизнь складывалась, не расспрашивал. Но факт остается фактом – не женился. И, конечно, сразу дал понять, что по причине десятилетней безответной любви. А для женщины это много значит! Глупа, умна, любит сама или не любит – все равно приятно. В общем, она ему поверила.

Голубь. А ты?

Марков. Я? Нет. Просто имеет человек дар замечать, где что плохо лежит. Да и какое это имеет значение, поверил или не поверил я?

Голубь. Как какое? Раз не поверил, надо было сказать!

Марков. Кому?

Голубь. Ей!

Марков. Да ведь вроде как-то некрасиво... Гордость не позволила... Да... В общем, стал ходить к нам. Есть же такие люди. У них какой-то нюх на чужую беду. Я ее не умел утешать, сам горевал. А он... Он это умеет: и нежность, и внимание, и «ты мне нужна», и «я без тебя не могу». Худо я про него говорю?

Голубь. Да, с пристрастием говоришь.

Марков. Не могу иначе. Не люблю его. За все. А больше всего за то, что она его любит.

Голубь. Что ты болтаешь?

Марков. Я не болтаю. Это так, дядя Коля. Она его полюбила, и теперь уж тут ничего не сделаешь.

Голубь. Как ничего? Как ничего, я тебя спрашиваю? А ты что ж? Молчишь? Пожалуйста, уходи, наплевать мне на десять лет жизни, на то, что любили друг друга, каждый кусок делили, на то, что она легкой жизни с тобой не искала, носом не крутила, медвежьих углов не боялась: куда тебя пятилетки бросали, туда за тобой и ехала! На все наплевать, так, что ли?

Марков. Последние два-три года все уже немножко не так, конечно...

Голубь. А что ж, ей прикажешь во второй раз университет оставлять? И так из-за тебя в тридцать лет кончит. А ведь она, я помню, еще девчонкой способная была – о литературе своей, бывало, говорила, заслушаешься! Кабы не ты да не ваши кочевья, может, уже в ученые б вышла!

Марков. Может быть.

Голубь. Вот то-то и оно-то. Так что теперь потерпи, посиди раз в жизни возле ее юбки, пока доучивается. Еще успеешь – накочуешься!

Марков. Не кричи. Отвык я от тебя. Шумный ты очень.

Голубь. Зато ты слишком тихий.

Марков. Тихий? Эх, старик, ну пусть другие, пусть даже она так думает, но ты... Тихий! Если б я, как раньше, верил, что она любит меня, я бы всех утешителей в окно покидал! Но ты же знаешь ее! Упади ей в ноги, скажи, что жить без нее не можешь – и разлюбит, а не уйдет. Не хочу этого говорить! Но желаю! Ну и все, и ладно! Что ты в самом деле – все Катя да Катя!

Голубь. Я?

Марков. Ну не ты, я. Все равно нехорошо. А ведь мы с тобой и до нее знакомы были и ведь находили, о чем говорить.

Голубь. Да, прямо скажем, в молчанку не играли.

Марков. А помнишь, что ты мне в Верхоянске сказал, когда мне вот так же, ну, не так же, но, в общем, тоже худо было?

Голубь. Нет, не помню. Что, коньяку, что ли, выпить посоветовал?

Марков. Нет, ты меня считать заставил: во скольких мы с тобой местах были; сколько домов за первую пятилетку построили, сколько за вторую; сколько спирта выпили; сколько пешком, сколько верхом, сколько на собаках. А когда сосчитали, ты меня спросил: «Ну, так в чем же дело?» Вот и я теперь себе говорю: «Так в чем же дело?»

Голубь. Да ты не бодрись. И так верю, что не пропадешь. Как-никак, двадцать первый год в твоих приемных отцах хожу. Знаю тебя. Немножко. С четырнадцати годков.

Марков. А я не бодрюсь. Я просто вспоминаю, что на свете есть еще много разных хороших вещей. *(Улыбаясь.)* Вот взять хотя бы твои сапоги. Прекрасные сапоги. Сразу видно, что покоритель пространств. Хотя, по правде говоря, по летнему времени в Москве в ботинках удобнее.

Голубь. Ты моих сапог не трогай, молод еще.

Марков. Шучу. Я сам скоро, кажется, тоже сапоги надену. Только не такие. Армейского образца.

Голубь. Что, никак, снова в армию берут?

Марков. А ты что удивился? Газет не читаешь?

Голубь. Уж не в Монголию ли?

Марков. Не исключено. Между прочим, когда я служил на действительной, мы как раз в тех краях стояли.

Голубь. Не совсем, положим...

Марков. Ну, почти. Там ведь семьсот верст за расстояние не считают. Стояли и все ждали, ждали... И, понимаешь, сейчас, черт его знает, какое-то странное чувство. Как-то неуютно сидеть тут, когда там все это происходит, когда кто-то другой, а не ты, там первым на себя удары принимает.

Голубь. Да, уж когда такое чувство, стало быть, надо ехать. Если есть возможность.

Марков. Сегодня вызвали. *(Смотрит на часы.)* Я уже давно сижу, жду, Катя сердится, что кресла просиживаю.

Голубь. А ты что, ей не говорил, что ли?

Марков. Нет, говорил, верней, намекал. Но это еще тогда было так, в неопределенном будущем. Вызвали меня в военкомат, переаттестовали. Потом спрашивают: «А что, если мы вас снова в кадры, в саперные части на Дальний Восток возьмем? Возражений нет?» – «Что ж, говорю, если надо – готов», – «Ну, идите, вызовем». Неделя, две, три – звоню. «Значит, пока не надо!» – говорят. Я уж думал, и правда не надо, а сегодня звонок. Ну, а Катя, что ж... Ты же меня сам когда-то учил сообщать о таких вещах в последнюю минуту, когда чемодан уложен. Скажу, успею.

Голубь. Правильно, сынок.

Марков. Не хочешь ли переодеться с дороги?

Голубь. Не прочь. Развяжи-ка рюкзак. Там у старика, помнится, есть чистая сорочка.

Марков *(развязывая рюкзак)*. Однако завязал же ты!

Голубь. Ничего, если поднатужусь, еще и трубу могу в узелок завязать. Давай. *(Берет рюкзак.)*

Марков *(сбросив с ног туфли)*. Возьми мои туфли, надень. Или ты, может *(показывает на сапоги Голубя)*, зарок дал их не снимать?

Голубь. Ничего, сниму. У меня отпуск полярный. Четыре месяца. Вы еще со мной хлебнете горя. *(С рюкзаком и туфлями в руках проходит в другую комнату.)*

Марков *достает из-под тахты ботинки, надевает их и начинает зашнуровывать.*

Входит Катя.

Катя. Еще не пришел?

Марков. Кто?

Катя. Андрей.

Марков. Нет.

Катя *(заметив брошенное на тахту кожаное пальто Голубя)*. Дядя Коля? Дядя Коля!

Голубь *выходит ей навстречу.*

Дядька, родной, когда вы приехали? *(Целует его в лоб.)*

Голубь *(целует ей руку)*. Катерина Алексеевна, душенька! Старому хрычу очень нужно было тебя увидеть. Дай-ка я тебя поглажу по головке. Ей-богу, ты, правда, выросла. Тебе скоро пошьют первое длинное платье. Небось, уже во вторую ступень перешла? А?

Катя. Еще год, дядя Коля, и кончу университет.

Голубь. Ну, и что дальше?

Катя. Не знаю. Может быть, еще в аспирантуре останусь. Хочется еще поучиться. Очень долго я этого ждала, дядя Коля. И поздно смогла. Ведь со мной рядом за столами совсем девочки сидят...

Голубь. Значит, в ближайшее время дороги да зимовки со мной и с Алексеем Степановичем не поедешь строить?

Катя. Едва ли. Во всяком случае – не хотела бы.

Голубь. Ишь ты, не хотела бы! Такая маленькая, а уже самостоятельная. Да сколько же тебе теперь лет, Катерина Алексеевна.

Катя. Двадцать девять, Николай Семенович. Тридцатый.

Голубь. Неправда. Тебе девятнадцать. Не возражай, не порти мне жизнь. Мне до зарезу нужно, чтобы тебе всегда было девятнадцать. Тогда я старости не чувствую. Я приезжаю – тебе девятнадцать. Я уезжаю – тебе девятнадцать. Я возвращаюсь – через два года – тебе все еще девятнадцать. Ей-богу, я гораздо больше рад видеть тебя, чем этого глупого парня, который мне тут... *(Останавливается под взглядом Маркова.)*

Катя. Он вам, наверное, уже всего наговорил. Он ведь только со мной такой неразговорчивый.

Голубь. А мне все равно, что он говорил. Я этого и слышать не хочу. Мне только в одно поверить пришлось. Бедная ты моя девочка. Бедная, бедная. Только не плачь. А то и я начну. Ну и глупо будет. Усы, как у моржа, а тоже ревет!

Катя. Ах, дядя Коля! Вы лучше про себя что-нибудь расскажите. Хорошо? Ну, пожалуйста, очень вас прошу!

Молчание.

Голубь. Про себя так про себя. Видите ли, дети мои, начальство считает, что мне пора на покой, в управление. Теперь, говорят, не двадцатые годы: в Арктику ехать – от молодежи отбою нет. А вы свое там сделали! Они даже наивно предлагают мне здесь в Севморпути казенную комнату, чуть ли не квартиру. Но я не возьму. Я скажу, что у меня есть комната, и буду пока жить у вас. Да, у вас. У обоих. А когда они отдадут мою квартиру другому, я скажу, что мне негде жить, и им из-за отсутствия жилплощади опять придется отправить меня не на Диксон, так на Игарку! Не правда ли, старик был хитер?

Катя. А может, вам и правда остаться в Москве?

Голубь *(подходит к дверям соседней комнаты, вытаскивает из-за дверей сапоги).* Видишь, сапоги? Я могу проходить в них по Москве, ну, день, два, неделю, – дальше это будет вроде как смешно. А надолго снять, понимаешь ли ты, уже боюсь. Мне ведь пятьдесят семь.

Марков. Убавляешь.

Голубь. Ну, пятьдесят восемь... Пятьдесят девять! Шестьдесят! Тем хуже! Нет-нет да и войдет в голову мысль: а не пора ли тебе, старик, и в самом деле сменить эти бахилы на ночные туфли? *(Подходит к зеркалу.)* Кстати, туфли мне определенно к лицу.

Катя. Вы в них похожи на большого кота. Вам бы к ним еще хвост трубой...

Звонок. Марков выходит открыть дверь и возвращается с Вагановым.

Ваганов *(Кате).* Вот и я.

Катя. Здравствуй.

Ваганов *(разглядывая Голубя).* Николай Семенович! Да неужели это вы?

Голубь. Да, по-моему, это я. Представьте себе, еще не помер. Здравствуйте, Андрей... Сергееч – по батюшке? Не ошибаюсь? Давненько мы друг другу не попадались.

Ваганов. Десять лет.

Катя. Может, кофе сварить?

Ваганов. Кофе? Не откажусь.

Голубь. Свари, Катенька, вари. Из всех неспиртных напитков – единственный стоящий.

Катя выходит.

Ваганов. Что, Николай Семенович, все по-прежнему путешествуете?

Голубь. А что ж? *(Хлопнув себя по коленям.)* Пока подставки есть – путешествую. А вы тут, рассказывают, за это время в большие чины вышли?

Ваганов. Да как вам сказать...

Голубь. Что – в недостаточные, что ли?

Ваганов. Да что ж скрывать, если сил и способностей хватит, в будущем мечтаю о большем, грешный человек. А может, это и не такой уж грех, а, Николай Семенович?

Голубь. Ну, это кто как считает. У нас с вами, помнится, были старые споры на этот счет.

Ваганов. Еще бы, как же, помню ваши тогдашние заповеди: настоящему строителю непременно надо ездить с места на место, не считаться с удобствами, не думать об оседлой жизни и уж тем более о завтрашнем дне... Так, что ли? Не перепутал?

Голубь. Никак нет. Польщен. Запомнили. Хотя я своих заповедей никому не навязывал. Каждому – свое.

Ваганов. Вот с этим я согласен. А впрочем, нет, не согласен. Возьмите хоть Алексея, у него же золотые руки, а чем дольше я его здесь в Москве наблюдаю, тем ясней вижу, что он не умеет заставить ценить себя. В этом смысле у него просто горы потерянного времени.

Входит Катя.

Голубь. Ну, уж это неправда. Он никогда времени не терял. Он жил.

Марков *(Кате)*. Ты слышишь, они говорят обо мне, как о покойнике: покойный терял время; нет, покойный не терял времени... Как, по-твоему, терял я время?

Катя. По-моему, вы все сейчас теряете время, потому что кофе уже на столе.

Голубь. Что верно, то верно.

Все подсаживаются к столу.

Ваганов. Ну, ладно, терял, не терял... *(Голубю.)* Но ответьте мне здраво – неужели даже эти три последних года, когда *(кивнув на Маркова)* он волей-неволей оказался в Москве, неужели верно – не использовать их, чтобы по праву выдвинуться, имея за плечами такой, как у него, практический опыт? *(Маркову.)* А у тебя только и свету в окошке, чтобы при первой возможности снова удрать рядовым прорабом на свой возлюбленный Север! Никогда не пойму!

Марков. Север я действительно люблю. А на том, чтобы ты понимал меня, – не настаиваю. *(Смотрит на часы. На них – два часа.)* Дядя Коля, ты что ж туфли-то надел? Забыл, что нам надо с тобой идти?

Голубь *(не сразу поняв)*. Куда идти? А, ну да, конечно. Сейчас переоденусь. *(Выходит в другую комнату.)*

Катя. Хоть бы кофе допили. Куда вы собрались?

Марков *(надевая тиджак)*. Так, вообще, по городу, к парикмахеру, еще кой-куда.

Катя *(подойдя к Маркову, тихо)*. Почему ты уходишь?

Марков *(так же тихо)*. Нужно. Правда, нужно. Не нарочно.

Катя. Как хочешь!

Марков *(громко)*. Пошли, дядя Коля!

Голубь *(выходя из другой комнаты.)* Не прощаюсь!

Марков и Голубь *выходят.*

Долгое молчание.

Катя. Знаешь, мне показалось, вы сейчас как-то нескладно говорили с дядей Колей. Как-то зло.

Ваганов. Возможно. Он и в давние времена меня недолюбливал.

Катя. Почему?

Ваганов. Слишком уж разные мы с ним люди. Как и с Алексеем, впрочем. Вот и не любит.

Катя. А я ведь знаю, тебя многие не любят. Ценят, а не любят. Говорят, что ты сухой, недобрый... Но я не верю. Те, кто так думает, просто плохо знают тебя. Да?

Ваганов. А мне все равно, что они думают. Мне важно, что думаешь ты. И если ты говоришь так, – значит, так, и если ты говоришь – плохо, значит – плохо; надо иначе. Мне тридцать пять. Я не мальчик, Катя! И я прожил довольно одинокую жизнь, по внешности вполне благополучную, а на поверку не слишком-то счастливую. От такой жизни человек черствеет, даже если он не черств от природы. И если меня кто-то и не любит, то, наверное, есть за что. Но мне кажется, что если меня без оглядки, безрассудно, беззаветно полюбят только один, всего один человек, – меня потом полюбят и все остальные. Ведь это так украшает человека, когда его любят! И так смягчает его, когда его жалеют... хоть немножко.

Катя. Немножко – не умею. (*Задумчиво.*) Жалеют... мама-покойница по деревенской привычке, бывало, всегда это слово – жалеют – говорила вместо любят.

Ваганов. Да, хочу, чтоб жалела! Ты... ты сама не знаешь, что такое ты для меня. Когда я в прошлом году получил докторскую – и не за красивые глаза, между прочим, как, очевидно, считает ваш дядя Коля, а за некоторые технические расчеты, которые завтра ему же помогут строить там у них на Севере в зоне вечной мерзлоты...

Катя. Мне кажется, дядя Коля совсем не хотел...

Ваганов. Ладно, не в этом дело... Когда я получил докторскую, меня поздравляли на всех углах, – это было не то; мы, как водится, пили с сослуживцами водку – это тоже было не то; я пришел домой – дома было пусто. И тогда я понял, что вот так же нерадостны будут все мои удачи, вся моя жизнь, если...

Звонок телефона.

Катя. Если что?

Ваганов. Если...

Опять звонок. Катя снимает трубку.

А вдруг Алексей?

Катя. Ну и что же? Ты не договорил. Говори.

Ваганов. А что говорить? Что я был тут вчера и приду завтра? Что я счастлив сидеть здесь и пить чай? Я не хочу больше этого говорить.

Катя. А что ты хочешь говорить?

Ваганов. Все. Если бы ты знала, как ты мне нужна.

Катя. Нужна?

Ваганов. Катя, родная...

Катя. Нет. Родная – это я слышала, а вот нужна... В этом доме мне последнее время все чаще казалось, что я никому не нужна.

Ваганов молча целует ее руки.

Да, я счастлива, что вот ты на людях такой независимый, резкий, а приходишь ко мне – и жалуешься и говоришь красивые слова. Нет, я не смеюсь, это ведь так нужно! Красивые слова. Я отвыкла от них.

Ваганов. Нет, я так больше не хочу, я скажу тебе все, все, что ты мне запрещаешь, и скажу это сегодня, вот сейчас!

Катя. Дай руку. (*Берет его руку.*) Видишь, какая длинная линия жизни. А ты все торопишься, непременно сегодня, сейчас...

Ваганов. Да, сейчас! Если б ты была одна и никого рядом с тобой и если б ты мне сказала: «Я не могу сейчас говорить об этом, я еще не решила, – потом, завтра, когда-нибудь!» – я бы ушел, уехал и ждал бы вдали еще месяц, год, два, как я ждал уже десять лет! Но когда рядом с тобой человек, который тебя не любит, да, не любит...

Катя жестом останавливает его.

Нет, на этот раз я не замолчу! Я знаю, ты прожила с ним десять лет, но это годами не меряется. Он тебя не любит, он каждым словом, каждым жестом доказывает, что ты ему не нужна. Но я уйду, а он остается с тобой! Он, а не я. И вот так я не могу ждать. Не могу, слышишь?

Катя молчит. Ваганов, подойдя к ней, крепко берет ее за плечи и, приблизив свое лицо к ее лицу, долго смотрит ей в глаза. Входит Марков в плаще, с большим свертком под мышкой.

Марков (после молчания, овладев собой, почти спокойно). А я звонил, звонил, думал, вы ушли... (Оглядывает комнату, Ваганова, безмолвно застывшую Катю, снятую с рычага телефонную трубку, повторяет.) А я звонил, звонил, думал, вы ушли. Шел по Садовой. Начинает моросить.

Ваганов. Да, вот и здесь...

Катя. Ты же все видишь, почему ты молчишь?

Марков. Что я вижу? Я ничего не вижу. (Кладет на рычаг телефонную трубку.)

Катя. Это жестоко.

Марков. Что?

Катя. Делать вид, что ты ничего не видишь, молчать. Тогда я сама скажу, да, и этот телефон, и все... (Оглянувшись на Ваганова, с внезапной решимостью.) Я не могу так дальше. Я уйду отсюда.

Марков. Когда?

Катя. Сегодня.

Марков. Хорошо. (Идет к двери.)

Катя. Куда ты?

Марков. Снять плащ. (Выходит.)

Ваганов благодарно целует Кате руку. Марков возвращается без плаща и свертка.

Катя. Я думала...

Марков. Ты думала, я убегу и не вернусь, пока вы не уйдете? Наоборот. Останусь и даже перекушу. Пока ты еще здесь, может, покормишь меня по старой памяти? (Садится за стол, дотрагивается до кофейника.) Оказывается, даже и кофе еще не остыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.